

Буддизм в системе российско-монгольских отношений: прошлое и настоящее

Тимур Баторович Бадмацыренов

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, badmatsyrenovtb@bsu.ru
Цэвээн Цэцэнбилэг

Институт философии Академии наук Монголии, Улан-Батор, Монголия;

Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы, Москва, Россия, tsetsenbilegts@gmail.com

Елена Александровна Островская

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e.ostrovskaya@spbu.ru

Аннотация. Современная система международных отношений переживает глубокие изменения, затрагивающие гуманитарные, культурные и религиозные аспекты мировой политики. Также актуальность обращения к рассматриваемой в данной работе теме обусловлена формированием новых моделей взаимодействия государства и религиозных сообществ в постсекулярном контексте. Особое внимание уделяется тому, как религиозные идеи, институты и сообщества влияют на развитие межстрановых отношений, а также на формирование культурных, политических и дипломатических практик во Внутренней Азии. Целью данной статьи является исследование процессов влияния буддийских идей и институтов на российско-монгольские отношения в историческом прошлом и в настоящее время. Буддизм в течение более трёх столетий оказывает определённое влияние на формирование внешнеполитического курса российского государства на Востоке. Можно выделить несколько этапов трансформации роли буддизма и буддийских сообществ, для которых в целом характерно периферийное значение буддизма во взаимодействии с государственными институтами и значительное влияние изменений политики российского государства на развитие буддийских сообществ.

Ключевые слова: *российско-монгольские отношения, Россия, Монголия, буддизм, постсекулярность*

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-48-03022, <https://rscf.ru/project/24-48-03022/>

Для цитирования: Бадмацыренов Т.Б., Цэцэнбилэг Ц., Островская Е.А. Буддизм в системе российско-монгольских отношений: прошлое и настоящее // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 45–52. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/45-52>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/45-52>

Buddhism in Russian-Mongolian Relations: Past and Present

Timur B. Badmatsyrenov

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, badmatsyrenovtb@bsu.ru

Tseveen Tsetsenbileg

Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia;

Peoples' Friendship University of Russia P. Lumumba, Moscow, Russia, tsetsenbilegts@gmail.com

Elena A. Ostrovskaya

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e.ostrovskaya@spbu.ru

Abstract. The contemporary system of international relations is undergoing profound changes that affect the humanitarian, cultural, and religious dimensions of world politics. The relevance of the topic addressed in this article is also determined by the emergence of new models of interaction between the state and religious communities in a postsecular context. Particular attention is paid to how religious ideas, institutions, and communities influence the development of interstate relations, as well as the formation of cultural, political, and diplomatic practices in Inner Asia. The purpose of this article is to examine the influence of Buddhist ideas and institutions on Russian-Mongolian relations, historically and currently. For over three centuries, Buddhism has exerted a certain influence on the formation of the Russian state's foreign policy in the East. Several stages in the transformation of the role of Buddhism and Buddhist communities can be identified, characterized by the generally peripheral significance of Buddhism in interactions with state institutions and the significant influence of changes in Russian state policy on the development of Buddhist communities.

Key words: *Russian-Mongolian relations, Russia, Mongolia, Buddhism, postsecularity*

The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 24-48-03022, <https://rscf.ru/project/24-48-03022/>

For citation: Badmatsyrenov T.B., Tsetsenbileg Ts., Ostrovskaya E.A. Buddhism in Russian-Mongolian Relations: Past and Present // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 45–52. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/45-52>

В современном мире разворачиваются крайне динамичные процессы трансформации системы международных отношений как на глобальном, так и на региональном уровнях. Особое измерение этих процессов представляет постсекулярная трансформация государственных, общественно-политических и религиозных институтов и системы государственно-конфессиональных отношений. Для неё характерно развитие новых форм взаимодействия государств и религиозных сообществ, отличных от господствовавших в России и

Монголии светских атеистических форматов. Как отмечает Б. Тернер, "Религия играет важную роль в публичном пространстве и во многих обществах либеральная модель секуляризации, предполагающая разделение церкви и государства, больше не работает" [10, с. 45].

Целью данной статьи является исследование процессов влияния буддийских идей и институтов на российско-монгольские отношения в историческом прошлом и в настоящее время.

Буддизм в течение более трёх столетий оказывал определенное влияние на формирование внешнеполитического курса российского государства на Востоке. Можно выделить несколько этапов трансформации роли буддизма и буддийских сообществ, для которых в целом характерно периферийное значение буддизма во взаимодействиях с государственными институтами и значительное влияние изменений политики российского государства на развитие буддийских сообществ [3, с. 136].

Условную точку отсчёта в становлении буддизма как фактора российско-монгольских отношений можно отнести к периоду вхождения в состав Российского государства бурят и калмыков, у которых к тому времени получила распространение "жёлтая вера" или школа гелугпа.

Важно отметить, что к моменту вхождения калмыков и бурят в состав России в XVII в. во Внутренней Азии активно разворачивались процессы формирования политических образований, и школа гелугпа приобрела в них особое влияние. Именно эта школа при сочетании целого ряда условий стала господствующей религиозной, политико-идеологической и ценностно-смысловой силой на территориях монголов, бурят, ойратов, калмыков и тувинцев. На территории Внутренней Азии возникает сеть монастырей, не в полной мере интегрированных в единую политико-церковную организацию, но объединённых единой системой идей, догматики, ритуалов и иерархической организации, признающей авторитет Далай-лам и других иерархов этой школы.

Кроме того, гелугпа создаёт единую систему политической коммуникации, в которой идеи и ритуалы выполняют функцию согласования взаимодействий различных сил. В гелугпа успешно развивается система буддийских политико-правовых идей, позволившая ей со второй половины XVI в. сформировать устойчивые связи с крупнейшими политическими силами – монгольскими, в том числе ойратскими, ханами и маньчжурской династией Цин.

В процессе создания идеологии буддийской теократии тибетские ламы разработали одну из ключевых политических доктрин тибетского буддизма – концепцию чойон (духовный учитель – светский правитель или лама-милостынедатель), отражающую взаимосвязь дхармы и политики [15, с. 2]. Эта концепция базируется на буддийской идее о двух автономных сферах: религиозной и светской, находящихся в неразрывной связи, считающейся залогом стабильности государства [12, с. 19]. Идеи дхармараджи (царя Учения) и чакравартина (буддийского правителя) возникли ещё до проникновения буддизма в Тибет и в целом характерны для всех буддийских регионов. В системе отношений между монгольскими, ойратскими и маньчжурскими политиями и буддийской общиной концепция "двух законов", согласно которой чакравартин – правитель, обладающий политической властью в силу следования буддийскому учению и правящий в гармонии с ламой – духовным наставником, заняла важное базовое место. Она была сформулирована ещё при Хубилай-хане и ревитализирована тумэтским Алтан-ханом в XVI в. для легитимации своих притязаний на ханский титул и суверенитет [9, с. 12].

Другим важным буддийским политико-религиозным институтом стала система перерожденцев-тулку (хубилганов), которая позволила аккумулировать власть и собственность монастырей в условиях монашеских ограничений на вступление в брак, обеспечив "легитимацию светской и духовной власти в условиях безбрачия её носителей" [10, с. 242] как "новую форму легитимации права на земельную собственность" [4, с. 324]. В политической эволюции институтов перерожденцев-хубилганов большое значение приобрела система связей аристократических групп с верхушкой управления буддийскими общинами. Крупные аристократы стремились использовать буддийские монастыри для легитимации и повышения своего политического престижа. Т.Д. Скрынникова связывает быстрое распространение буддизма в XVI–XVII вв. у монгольских народов с общественно-политическими процессами, тенденциями

возрождения государственности, борьбой центростремительных и центробежных сил [9, с. 9].

Буддийские идеи становятся важным фактором легитимации политической власти в условиях борьбы централизаторских и децентрализаторских тенденций в монгольском политическом пространстве XVI–XVII вв., включаются в систему монгольского права и формируют идейно-смысловую базу для построения монгольской идентичности вплоть до настоящего времени. В довольно краткие сроки система буддийских идей становится важной частью политико-правовой системы Монголии, замещая многие правовые институты предшествующего имперского юаньского периода. В "обычном праве" калмыков и бурят также имплементируется существенный компонент буддийских правовых идей и норм, фактически выступая специфической подсистемой российского права имперского периода вплоть до 1917 г.

После включения Южной и Северной Монголии в состав Цинской империи начинается процесс институционализации единой цинской буддийской организации Монголии, которая развивается при поддержке монгольской аристократии и императорской власти Цинской династии. При этом монгольские аристократические группы используют буддийские структуры, оказывая финансово-экономическую и политическую поддержку отдельным монастырям и линиям перерожденцев (тулку, хубилганов) через семейно-родовые связи. С другой стороны, монгольские хубилганы и монастыри постепенно сосредоточили реальную власть в своих руках, закрепили привилегированное положение через воздействие на правовые институты и превратились в значимую организованную политическую и экономическую силу, что привело правящие круги Цинской империи к осознанию необходимости установления над ними контроля [11, с. 21]. Цинская династия через Палату внешних сношений (Лифаньюань), используя прежде всего авторитет Джебцзун Дамба-хутухт (Богдо-гэгэнов), контролировала через систему ритуалов и связей с тибетскими центрами гелугпа церковно-политическую организацию, и "в той мере, в какой Внешняя Монголия являлась единой в рамках Цинской империи, существовало и единство церковной организации, контролируемой Пекином" [9, с. 82]. При этом собственно Тибет в силу своей труднодоступности и географической удалённости от Китая интересовал цинов лишь как место пребывания Далай-лам, как источник влияния на тибетское и монгольское население различных районов Центральной Азии.

В середине XVII в. Забайкалье становится ареной столкновения двух империй – Российской и Цинской, после чего были заключены Нерчинский (1689), Буринский (1727) и Кяхтинский (1727) трактаты, на основании которых была определена российско-китайская граница. После этого российскими властями было решено создать независимую от находящихся под контролем Цинской династии буддийских центров церковную организацию в Забайкалье. Российская империя в XVII–XIX в. вырабатывает особое отношение к многообразию населяющих её народов через легализацию их обычаев, вследствие чего имперская правовая система представляла собой сложно иерархизованную систему и включала несколько процессуальных и нормативных режимов, отражающих многообразие этнокультурных и религиозных обычаев народов России [14, с. 402]. Конфессиональный принцип в развитии имперской политико-правовой системы играет одну из важнейших ролей, поскольку правовая система строится не на индивидуальных гражданских правах и привилегиях, а на групповых, прежде всего сословных и конфессиональных. "Империя мыслила конфессиональными, а не этническими или какими-либо иными категориями, а конфессиональность лежала в основе социального порядка" [11, с. 32]. Этим фактором обусловлено то огромное значение, которое придавалось имперскими и губернскими властями построению государственно-конфессиональных отношений с институционально оформленными буддийскими группами. В этот период происходит поиск эффективных средств для решения политико-правовых задач управления буддистами, среди которых можно выделить стремление к изоляции российских буддистов от влияния иностранных центров, находившихся к XVII–XVIII вв. под властью Цинской империи, и обеспечение политико-административного контроля через конструирование централизованной церковной администрации во главе с Пандито Хамбо-ламами в Забайкалье и ламами калмыцкого народа у

волжских калмыков. В течение двух столетий шёл поиск оптимальной модели взаимодействия органов центральной и местной власти с бурятскими и калмыцкими буддийскими сообществами, что отразилось в разработке к середине XIX в. целого ряда нормативных правовых документов по инициативе как центральных, так и местных губернских властей, поскольку "к началу XIX века и буддийская община, и власти пришли к убеждению о необходимости установления твердых правил, по которым могло бы строиться их взаимодействие" [11, с. 233].

Ко второй половине XIX в. благодаря деятельности Академии наук и Русского географического общества, которые развернули масштабную программу исследования Внутренней Азии, увеличилось число контактов российских учёных с буддистами России, Монголии и Тибета, произошло своеобразное "открытие" российского буддизма и через его посредство – буддийского мира. Так, в дневниках Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова, Г. Ц. Цыбикова и других учёных содержится множество материалов о роли буддизма и буддийского духовенства в жизни монголов и тибетцев. Причём актуальность изучения буддизма объяснялась как внешнеполитической необходимостью, так и потребностью в оптимизации управления российскими буддистами. Как отмечает А. М. Позднеев, "для правильного отношения к ламству и ламаитам нам необходимо знать их собственные правила и воззрения, без этого мы никогда не достигнем своей пользы в наших отношениях к исповедующим ламаизм инородцам России" [5, с. XII].

С другой стороны, многообразные духовные, образовательные и экономические связи российских лам позволяли, несмотря на ограничения, вступать в контакты с буддийскими центрами Цинского Китая, включая крупнейших буддийских иерархов – Далай-лам в Лхасе и Богдо-гэгэнов в Урге. Буряты и калмыки часто становились проводниками внешнеторговых и исследовательских экспедиций в регионе. Позднее развитие академического изучения "живого" буддизма стало важной чертой буддологической школы Ф. И. Щербатского. Таким образом, "к концу XIX в. Российская империя стала рассматривать трансграничные связи российских буддистов не как угрозу, а как возможность экспансии российских интересов в Азии" [11, с. 233].

В XIX в. ослабление Цинской империи, начало "Большой игры" как противостояния России и Великобритании, повышение внешнеполитического интереса России во Внутренней Азии обусловили стремление к использованию буддизма в качестве инструмента внешнеполитического курса России в Северном Китае, Монголии и Тибете. С другой стороны, центробежные тенденции в Цинской империи, распространившиеся на Монголию и Тибет, в условиях построения проектов независимых государств в форме буддийских теократий ориентировали представителей элитных групп Тибета и Монголии на Россию в поисках возможной поддержки в пользу различных политических стратегий в условиях обострившихся противоречий в системе Россия – Великобритания – Цинская империя / республиканский Китай после Синьхайской революции 1911 г.

В конце XIX – начале XX вв. возникает сразу несколько российских внешнеполитических проектов в буддийских регионах Азии, таких как инициативы П. Бадмаева, А. Доржиева.

Выдающийся религиозный и дипломатический деятель Агван Доржиев, занимавший заметное место в окружении Далай-ламы XIII, выступает инициатором расширения контактов России и Тибета; под его руководством в Санкт-Петербурге строится буддийский храм, открывается Тибето-монгольская миссия, расширяются контакты с политическими и академическими кругами. Дипломатическая деятельность Агвана Доржиева стала источником беспокойства для Великобритании и Японии, в которых циркулировали упорные слухи о гарантиях независимости или заключении секретных протоколов об установлении российского протектората над Тибетом. После революции Агван Доржиев продолжил укреплять взаимодействие теперь уже с новой властью, обосновывая близость исконного буддизма как философского течения с коммунистическим учением. В 1921 г. он выступил с предложением к советским властям по созданию буферных государств в Прибайкалье, Забайкалье, Монголии и Тибете для разделения России, Японии и Китая. Усилия А. Дор-

жиева во многом способствовали созданию бурятских автономий в РСФСР и Дальневосточной республике [8, с. 318–319].

В период Гражданской войны осенью 1918 г. в Забайкалье при поддержке Японии устанавливается власть атамана Г. Семенова. Уже в феврале 1919 г. на станции Даурия открылся панмонгольский съезд, на котором было провозглашено создание Великого монгольского государства во главе с южно-монгольским хубилганом Нэйсэ-гэгэном. В него планировалось включить бурятские земли, Внешнюю и Внутреннюю Монголию. Эти инициативы не были поддержаны правительством Богдо-гэгэна VIII и потерпели крах после неудачной попытки Нэйсэ-гэгэна подчинить Халху.

В этот же период начала XX в. бурятские интеллигенты, национальные демократы пытались найти пути формирования национальной культуры. Ими панмонголизм понимался как одна из альтернатив самостоятельного политического развития монгольских народов, в основании которой находились европейские представления о государственном национальном строительстве. Появляется идея "культурного панмонголизма" как интеграции монгольских народов в единое культурное пространство, чтобы таким образом нивелировать различия между отдельными региональными группами и в перспективе добиться большей этнокультурной унификации и монолитности населения Монголии. Буддизм в этих построениях занимает важное место "прибежища национального духа", учитывая обновленческое движение к "очищению" буддизма как философии от суеверий и искажений.

Советская власть в начальный период разрабатывала планы использования буддийского фактора и панмонгольских идей в восточной политике в стремлении распространить революционное движение на Востоке, прежде всего в Китае. Но вскоре буддизм начал рассматриваться как одно из основных препятствий на пути построения социализма, как легально действующая контрреволюционная сила в буддийских регионах СССР, МНР и КНР, и к концу тридцатых годов он, как институционализируемая религия, был фактически уничтожен.

В Монголии после победы народной революции 1921 г. и смерти восьмого Богдо-гэгэна "новое правительство, следуя рекомендациям Коминтерна и лично Сталина, сначала пыталось ограничивать деятельность сангхи посредством законодательных и экономических мер, а в конце 1930-х гг. перешло к радикальным мерам – физическому уничтожению лам, разрушению храмов и монастырей" [7, с. 46].

Восстановление буддийской общины в СССР и МНР в послевоенные годы также было сопряжено с проектами расширения взаимодействия с народно-освободительным движением в буддийских странах в период распада колониальной системы. Одним из них стало создание в 1970 г. Азиатской буддийской конференции за мир, ставшей авторитетной международной гуманитарной организацией. Штаб-квартира находится в монастыре Гандантегчинлинг в Улан-Баторе. Целями и задачами АБКМ являются: объединение буддистов Азии в их стремлении к миру и спокойствию на Земле; всемерное содействие распространению и претворению в жизнь буддийского учения, проповедующего высокие идеалы мира, гармонии и социальной справедливости; решительно выступать за мир и безопасность в Азии и во всем мире, за полный запрет ядерного и других видов оружия массового уничтожения; поддержка неотъемлемых требований народов на свободное и независимое развитие, в защиту прав и достоинства человека. АБКМ объединяет 15 национальных центров из 12 стран Азии, многих авторитетных буддийских лидеров, политических и общественных деятелей. АБКМ имеет статус третьей категории в ЭКОСОС и ЮНЕСКО [13].

После распада социалистической системы в России и Монголии развиваются процессы "возрождения" буддизма, имеющие как сходные, так и отличные черты. В системе межгосударственных российско-монгольских отношений буддизм играет малозначительную роль, но внимание к нему постепенно повышается. Буддийские сообщества выстраивают собственную, лишь частично связанную с межгосударственными отношениями систему взаимодействий как на уровне индивидуальных контактов священнослужителей, включая лидеров буддийских общин, так и в традиционных связях Буддийской традиционной сангхи России и Буддийской ассоциации Монго-

лии в области образования, культуры и конфессионального диалога. Можно также отметить возрастающую долю религиозного паломнического туризма в двусторонних связях, когда паломники из Монголии, включая политических лидеров и общественно-политических деятелей, активно посещают объекты поклонения в Бурятии, прежде всего Иволгинский дацан и нетленное тело Пандито Хамбо-ламы Д.-Д. Итигелова, что является признанием его высоко-го религиозного авторитета.

Вместе с тем нельзя не отметить некоторые проблемные аспекты, воздействующие на современные российско-монгольские отношения через призму буддийского фактора. Прежде всего, это фактор Далай-ламы XIV, лидера тибетского буддизма, авторитет которого признается во всем мире, но в отношениях с КНР его фигура выступает как фактор, осложняющий развитие стратегического партнерства в системах РФ–КНР и Монголия–КНР. Так, В. Родионов и О. Хатанболд отмечают, что "постсекулярность монгольского общества проявляется в дискуссиях по вопросу о роли буддийского первосвященника как во внутренней политике страны, так и в отношениях Монголии с внешним миром. Так, значительный сегмент монгольского общества, являющийся носителем скорее светских (нерелигиозных) ценностей и настроений, выступает фактором ограничения влияния буддизма в целом и Далай-ламы в частности. Также остается актуальной дилемма выбора между экономическими выгодами от сотрудничества с КНР, с одной стороны, и религиозно-политическими интересами, с другой" [6, с. 496].

В настоящее время буддийский фактор выступает одним из важных направлений расширения гуманитарного сотрудничества России, Монголии и других стран Азии. Так, проведение серии международных буддийских форумов в России стало большим вкладом в дело продвижения позитивного имиджа России как части буддийского мира и авторитетного центра мирового буддизма, способного стать площадкой и точкой притяжения для международного буддийского диалога. Международный буддийский форум – это событие, которое объединяет представителей буддизма со всего мира для обсуждения актуальных вопросов развития буддизма, буддийской культуры, философии и практики, а также для укрепления международного сотрудничества между буддийскими организациями разных стран. Первые два форума прошли в Бурятии в 2023 и 2024 гг. Их организаторами выступили Буддийская традиционная сангха России, Правительство Республики Бурятия, Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям при поддержке фонда "Росконгресс". В 2025 г. форум проходил в Калмыкии по поручению Президента РФ Владимира Путина [2, с. 76]. В 2026 г. форум запланирован в г. Кызыле, столице Республики Тыва.

Как было отмечено в пресс-релизе организаторов первого форума, Бурятия по-прежнему остается аванпостом России в странах Азии в части научного и духовного развития буддизма. Практические результаты воплотились в заключении на полях форума ряда договоренностей в сфере медицины, туризма, экологии. Проведение такого форума в Бурятии, "которая по праву считается центром российского буддизма, свидетельствует о том, что Россия является частью буддийского мира и заинтересована в укреплении сотрудничества с буддийскими странами в разных сферах" [12, с. 3]. Можно отметить усиление роли "буддийских" регионов Бурятии, Калмыкии и Тувы в формировании и продвижении международной повестки России, что особо актуально в условиях обострившейся конфронтации со странами Запада.

В целом можно сделать ряд выводов. Во-первых, значителен и не до конца исследован потенциал буддизма в современной системе международных отношений как на региональном, так и на глобальном уровне. Можно отметить, что смещение центра мировой экономики в Азию усиливает влияние традиционной буддийской культуры. При этом буддийские сообщества, как не вовлеченные в международные конфликты, могут выступать в роли нейтральной силы, посредника при решении острых международных проблем.

Во-вторых, в рамках постсекулярной теоретико-методологической оптики можно отметить возникновение новых форм взаимодействия светских общественно-политических и религиозных институтов в сфере международных отношений. Можно отметить формирование в системе российско-монгольских отношений формата "буддийской дипломатии", для которой "представляется

актуальной задачей по активизации практики буддийской дипломатии России, учитывая евразийскую идентичность российского государства" [1, с. 116].

Можно отметить также значительный потенциал буддийских идей, практик и общин в деле решения международных и национальных задач по сохранению и укреплению традиционных ценностей, снижения социальной и политической напряженности, укрепления стабильности и безопасности России и Монголии посредством конструктивного сотрудничества государственных и буддийских институтов.

Литература / References

1. Бадмаев В. Н. Буддийская дипломатия: идеи и практика. *Вестник КалмГУ*. 2021. № 1 (49). С. 111–117.
Badmaev V. N. Buddhist Diplomacy: Ideas and Practice. *Bulletin of KalmSU*. 2021. No. 1 (49). P. 111–117. (In Russ.)
2. Бадмацыренов Т. Б., Бадараев Д. Д., Родионов В. А. Буддийский мир в новом тысячелетии: итоги III Международного буддийского форума. *Восточный вектор: история, общество, государство*. 2025. № 3. С. 76–78.
Badmatsyrenov T. B., Badaraev D. D., Rodionov V. A. Buddhist World in the New Millennium: Results of the III International Buddhist Forum. *Oriental Vector: History, Society, State*. 2025. No. 3. P. 76–78. (In Russ.)
3. Бадмацыренов Т. Б., Бадмацыренова Е. Л. Буддизм, государство и право в России: развитие современной модели государственно-конфессиональных отношений. *Вестник экономики, права и социологии*. 2016. № 4. С. 135–139.
Badmatsyrenov T. B., Badmatsyrenova E. L. Buddhism, State and Law in Russia: Development of a Modern Model of State-Confessional Relations. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2016. No. 4. P. 135–139. (In Russ.)
4. Островская Е. А. - мл. Тибетский буддизм. СПб.: "Петербургское востоковедение", 2002. 400 с.
Ostrovskaya E. A. Jr. Tibetan Buddhism. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2002. 400 p. (In Russ.)
5. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста: Калм. кн. изд-во., 1993. 512 с.
Pozdneev A. M. Essays on the Life of Buddhist Monasteries and the Buddhist Clergy in Mongolia in Connection with the Latter's Relationship to the People. Elista: Kalm. Book Publishing House, 1993. 512 p. (In Russ.)
6. Родионов В. А., О. Хатанболд Монголия и Далай-лама XIV в конце XX–XXI вв. *Научный диалог*. 2024. Т. 13. № 10. С. 481–496.
Rodionov V. A., O. Khatanbold. Mongolia and the 14th Dalai Lama in the Late 20th – 21st Centuries. *Scientific Dialogue*. 2024. Vol. 13. No. 10. P. 481–496. (In Russ.)
7. Сабиров Р. Т. Буддийская сангха в Монголии: традиция и современность. *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. 2018. №1. С. 40–55.
Sabirov R. T. Buddhist Sangha in Mongolia: Tradition and Modernity. *Bulletin of Moscow University. Series 13. Oriental Studies*. 2018. No. 1. P. 40–55. (In Russ.)
8. Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации; пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 640 с.
Sablin I. The Far Eastern Republic: From the Idea to Liquidation / Translated from English by A. Tereshchenko. Moscow: New Literary Review, 2020. 640 p. (In Russ.)
9. Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI – начала XX века. Новосибирск: Наука, 1988. 104 с.
Skrynnikova T. D. The Lamaist Church and State. Outer Mongolia in the 16th-Early 20th Centuries. Novosibirsk: Nauka, 1988. 104 p. (In Russ.)
10. Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2012. № 2. С. 21–51.
Turner B. Religion in a Post-Secular Society. *State, Religion, and Church in Russia and Abroad*. 2012. No. 2. P. 21–51. (In Russ.)
11. Торчинов Е. Введение в буддизм. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2013. 352 с.
Torchinov E. Introduction to Buddhism. St. Petersburg: Amphora. Amphora Trade House, 2013. 352 p. (In Russ.)
12. Цыденов А. С. Приветствие участникам II международного буддийского форума. Традиционный буддизм и вызовы современности: материалы II Международного буддийского форума (Улан-Удэ, 12–14 августа 2024 г.); Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, 2025. 256 с.
Tsydenov A. S. Greetings to the Participants of the II International Buddhist Forum. Traditional Buddhism and Modern Challenges: Proceedings of the II International Buddhist Forum (Ulan-Ude,

- August 12–14, 2024) / Scientific Editor T. B. Badmatsyrenov. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University named after D. Banzarov, 2025. 256 p. (In Russ.)
13. Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX века). Улан-Удэ, 2013. 336 с.
Tsyrempilov N. V. Buddhism and Empire. The Buryat Buddhist Community in Russia (18th – early 20th centuries). Ulan-Ude, 2013. 336 p. (In Russ.)
 14. Asian Buddhists Conference for Peace. URL: <https://abcp.mn/> (дата обращения 11.04.2026).
 15. Burbank J. An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7. No. 3. P. 397–431.
 16. Ruegg D. S. The Temporal and Spiritual Orders in the Governance of Tibet and the so-called "Patron-Priest Relation" in Inner Asia. URL: <https://www.academia.edu/10130475/Yonmchod> (дата обращения: 11.04.2026).

Информация об авторах

Тимур Баторович Бадмацыренов, д-р соц. наук, заведующий кафедрой политологии и социологии, директор Центра социально-политических исследований "Альтернатива" Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: badmatsyrenovtb@bsu.ru

Цэвээн Цэцэнбилэг, канд. соц. наук, ведущий научный сотрудник Института философии Монгольской академии наук, Улан-Батор, Монголия; доцент Института иностранных языков Российского университета дружбы народов имени П. Лумумбы, Москва, Россия, e-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

Елена Александровна Островская, д-р соц. наук, профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: e.ostrovskaya@spbu.ru

Information about the authors

Timur B. Badmatsyrenov, Doctor of Sociology, Head of the Department of Political Science and Sociology, Director of the Center for Socio-Political Studies "Alternative", Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, e-mail: badmatsyrenovtb@bsu.ru

Tseveen Tsetsenbileg, Candidate of Sociology, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia; Associate Professor, Institute of Foreign Languages, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, e-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

Elena A. Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, Department of Theory and History of Sociology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e-mail: e.ostrovskaya@spbu.ru

Поступила в редакцию 23.04.2026

Одобрена после рецензирования 09.05.2026

Принята к публикации 27.05.2026

Received 23.04.2026

Approved 09.05.2026

Accepted 27.05.2026